

НОВОЗАВЕТНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В «ПОРТРЕТАХ РУССКИХ ПОЭТОВ» И. Г. ЭРЕНБУРГА: ИДЕЯ АПОСТОЛЬСТВА

И.С. Урюпин

Московский педагогический государственный университет

Аннотация. В статье впервые в литературоведении рассматривается реминисцентная партитура «Портретов русских поэтов» И.Г. Эренбурга, восходящая к новозаветной библеистике. В пяти из четырнадцати очерков-портретов, представляющих крупнейших деятелей русской литературы Серебряного века, И.Г. Эренбург аллюзивно представил образы апостолов Христа, соотнеся их на идейно-философском, ментально-психологическом, религиозно-онтологическом уровнях с творческими интенциями А.А. Ахматовой, М.А. Волошина, В.И. Иванова, В.В. Маяковского, Ф. Сологуба. В книге И.Г. Эренбурга нашла отражение волновавшая русских мыслителей рубежа XIX–XX веков идея апостольства как духовного посланничества, ставшего сакрально-метафизической миссией русского искусства. Фигуры апостолов выступают протагонистами образов русских поэтов, возникающих в художественном сознании И.Г. Эренбурга, актуализируя архетипические, историко-культурные пласты национального и универсального сознания. Сквозь призму «апостольских» стереотипов (отрекающегося Петра, неверующего Фомы, фанатичного Павла, жертвенного Варфоломея и др.) автор литературных портретов высвечивает творческое кредо каждого из поэтов, определяя его духовную миссию в искусстве Серебряного века. И.Г. Эренбург использует широкий спектр эксплицитно-имплицитной интродукции библейского текста в художественно-публицистическую ткань своих очерков (прямое цитирование Священного Писания, религиозно-философские ассоциации, новозаветный контекст / интертекст).

Ключевые слова: И.Г. Эренбург; «Портреты русских поэтов»; апостольство; апостол; библейский текст в русской литературе; А.А. Ахматова; М.А. Волошин; В.И. Иванов; В.В. Маяковский; Ф. Сологуб.

NEW TESTAMENT REMINISCENCES IN "PORTRAITS OF RUSSIAN POETS" BY I. G. EHRENBURG: THE IDEA OF APOSTLESHIP

I.S. Uryupin

Moscow Pedagogical State University

Abstract. The article for the first time in literary criticism considers the reminiscent score of "Portraits of Russian Poets" by I. G. Ehrenburg, dating back to New Testament biblical studies. In five of the fourteen portrait essays representing the largest representatives of Russian literature of the Silver Age, I.G. Ehrenburg allusively presented the images of the apostles of Christ, correlating them at the ideological, philosophical, mental, psychological, religious and ontological levels with the creative intentions of A.A. Akhmatova, M.A. Voloshin, V.I. Ivanov. The book by I.G. Ehrenburg reflected the idea of apostleship as a spiritual messenger that worried Russian thinkers at the turn of the 19th-20th centuries, which became the sacred metaphysical mission of Russian art. The figures of the apostles act as protagonists of the images of Russian poets that arise in the artistic consciousness of I. G. Ehrenburg, updating the archetypal, historical and cultural strata of national and universal consciousness. Through the prism of "apostolic" stereotypes (repentant Peter, unbelieving Thomas, fanatical Paul, sacrificial Bartholomew, etc.), the author of literary portraits highlights the creative credo of each of the poets, determining his spiritual mission in the art of the Silver Age. I.G. Ehrenburg uses a wide range of expletive-implicit introduction of the biblical text into the artistic and journalistic fabric of his essays (direct quotation of the Holy Scriptures, religious and philosophical associations, New Testament context/intertext).

Keywords: I.G. Ehrenburg; "Portraits of Russian poets"; apostolic; apostle; biblical text in Russian literature; A.A. Akhmatov; M.A. Voloshin; V.I. Ivanov; V.V. Mayakovsky; F. Sologub.

В 1922 году в берлинском издательстве «Аргонавты», выпускавшем для русской эмиграции по преимуществу художественные произведения отечественных и зарубежных классиков, была опубликована книга И.Г. Эренбурга «Портреты русских поэтов», являвшая собой не только и не столько антологию современной литературы метрополии, сколько критическую рефлексию по отношению к поэзии рубежа XIX–XX веков. В своих импрессионистических очерках (в традициях и в противовес уже знаменитым «Силуэтам русских писателей» Ю.И. Айхенвальда) И. Г. Эренбург запечатлел абрисы четырнадцати русских поэтов, широкими мазками нарисовал их словесные образы, передав свое, принципиально субъективное видение каждого из них, представив читателю «лицо, человека, творчества» [13, с. 300] ярчайших представителей эпохи Серебряного века.

Героями книги И.Г. Эренбурга, помимо А.А. Ахматовой, Ю.К. Балтрушайтиса, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, Ф. Сологуба, чьи портреты вошли в третий выпуск «Силуэтов...» (1913) Ю.И. Айхенвальда, настойчиво повторявшего мысль о том, что поэт есть «священник искусства», «наместник Бога на земле» [1, с. 19], стали А. Белый, М.А. Волошин, С.А. Есенин, В.И. Иванов, О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, М.И. Цветаева, своим творчеством подтвердившие «великую миссию» художника – «развивать предварительные наброски и планы божества, контуры природы» [1, с. 19]. И хотя, по утверждению А.И. Рубашкина, у И.Г. Эренбурга «поэт предстает не как жрец», а как «"простой работник, тесатель слов", идущий к людям» [13, с. 305], весь внутренний строй портретных очерков, равно как и сама концепция книги о «тайнах творчества», его иррациональной сущности, отличается метафизической глубиной и религиозностью. Парадоксально, но «отсутствие проявления» чувства религиозности «в поведении и творчестве Эренбурга» [13, с. 329], отмечаемое исследователями, в «Портретах русских поэтов», насквозь пронизанных ветхозаветными и новозаветными реминисценциями и аллюзиями, совершенно не подтверждается. Напротив, отчетливо проступает поразительная эрудиция И.Г. Эренбурга в религиозных вопросах, что, впрочем, неудивительно, ведь он воспитывался в ортодоксальной еврейской семье и с детства знал Священное Писание и его толкования, еще до революции, по замечанию Б.Я. Фрезинского, заинтересовался «хасидскими легендами в немецком переложении Мартина Бубера (Эренбург

очень увлекся ими осенью 1915)» [17, с. 412-413] и воспринимал европейскую культуру сквозь призму универсального, внеконфессионального христианства, примиряющего «иудея» и «эллина».

Однако, сознательно избегая в своем художественном и публицистическом творчестве религиозной проблематики, И.Г. Эренбург, используя «внутренний языковой код» [9, с. 112] в своем «автodesкриптивном тексте» [10, с. 4], имплицитно выражал свои принципиальные позиции и с помощью системы намеков, историко-культурных ассоциаций указывал «на истинные для него ценности» [9, с. 111]. В каждом из «портретов русских поэтов» так или иначе содержатся отсылки к библейскому тексту, привлекаемому то в качестве эмблематического маркера мифологических сюжетов и образов мирового искусства, то в качестве цитаты для подтверждения вечных истин и непреложных идеалов, воспеваемых художниками, для которых великая Книга Книг была духовной матрицей в постижении глубинных проблем человеческого бытия. В пяти из очерков, посвященных А.А. Ахматовой, М.А. Волошину, В.И. Иванову, В.В. Маяковскому, Ф. Сологубу, – поэта, принадлежавшим к разным литературным направлениям и стилям, исповедовавшим разные политические, философские, эстетические убеждения, появляются образы апостолов Христа и проступает концепция апостольства русской поэзии, которая формируется в творческом сознании И.Г. Эренбурга в начале 1920-х годов [16].

Апостольство как духовное посланничество (апостол – гр. посланник: «слово это в обширном смысле употребляется в Священном Писании о разных посланниках Божиих» [4, с. 53]) в русской религиозной философии XX века является одной из ключевых идей. Прот. С.Н. Булгаков в своей проповеди «Зов апостольства» размышлял о миссии современного человека быть носителем «света истины Христовой», который «остается в неизменности своей во все времена, как бы ни изменялись понятия века», но с другой стороны само посланничество миру приобретает «разные образы исповедания и проповедания» [6, с. 83]. Поэт, в русском духовно-национальном сознании после гениальных прозрений А.С. Пушкина неразрывно связывающийся, а подчас и отождествляющийся с пророком, в XX веке, в период революционно-апокалиптических катаклизмов, начинает восприниматься как апостол, а сама поэзия становится «художественной реализацией профетических интуиций, касающихся эсхатологической судьбы всего человечества» [21, с. 8]. В эпоху «падений и отпадений» от Церкви, истины, мо-

рали и права (что, по замечанию Н.А. Бердяева, свидетельствовало об «исчерпании гуманизма», но современный человек все равно должен был пройти этот путь «во имя величайшего смысла всякого свободного испытания» [3, с. 169]) феномен апостольства приобретает особую значимость, а фигура Апостола, во всех его проявлениях, в том числе «отрекающегося», «неверующего» или даже «предающего» Господа, оказывается протагонистичной по отношению к Поэту-теургу. Все ипостаси апостольства находят отражение в «Портретах русских поэтов» И. Г. Эренбурга.

В открывающем книгу очерке, посвященном А.А. Ахматовой, писатель очень точно раскрывает «смысл любви» из Первого послания к коринфянам апостола Павла, которое, проецируясь на духовный и жизненный опыт поэтессы, позволяет понять величайшую тайну индивидуально-личностного, человеческого и соборно-всеобщего, вселенского бытия: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» [1 Кор. 13: 4-6], но главное – «любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» [1 Кор., 13: 8]. «Разве не исполнилось сказанное, не иссякли пророчества и не упразднилось знание?» – вопрошает И.Г. Эренбург, восхищаясь мудростью и глубиной постижения / переживания сущности любви А.А. Ахматовой. – «Да, но “любовь не престанет вовек”, и я повторяю грустные слова гостьи земли, нареченной “Анна”» [19, с. 8]. Писатель прямо цитирует слова апостола Павла, не упоминая его имени, но воспевая имя поэта – Анна, которое сама А.А. Ахматова семантизировала / ассоциировала с Вечностью, назвав свою книгу стихотворений 1923 года, изданной в Берлине, «Anno Domini» – «В лето Господне». Временное и вечное оказываются неразрывными и неслиянными гранями любви, которая в творчестве А.А. Ахматовой, по замечанию Н.М. Малыгиной, «преодолеывает все преграды, является “благословением Бога”, дает возможность прикоснуться к вечности» [11, с. 98].

Однако само это прикосновение равносильно испытанию на прочность / истинность чувств, которое и в евангельской истории суждено пройти апостолам (даже через отречение от Христа апостола Петра накануне Его крестного подвига), чтобы в полной мере понять абсолютную силу Любви Бога к человеку и научиться этой любви по отношению к ближнему. Земная любовь подобна огню

костра, горящему во мраке вселенской ночи и согревающему душу грешного человека, спасая ее от духовного оледенения / омертвения. «Я тоже грешен», – признавался И.Г. Эренбург, – «у костра ее [А.А. Ахматовой. – И.У.] мученической любви грел я тихонько застывшие руки, трижды отрекшись от Бога» [19, с. 7]; «у огня, таящегося под пеплом, таким же жестом, как я, будет греть замерзшие руки, – отлюбившее и жаждущее еще любить, вечно любить, сердце» [19, с. 8]. В рассказе А.П. Чехова «Студент» Иван Великопольский, впервые в жизни осознав, что такое любовь к ближнему, невольно соизмеряет свои чувства с чувствами отрекающегося от Христа апостола Петра, чтобы вечно искупать свое отречение и вечно жаждать любви: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр» [18, с. 307]. «Образ костра словно смыкает (пронизывает) события евангельского прошлого и проистекающего настоящего» [5, с. 17], высвечивая душу человека, погруженного во мрак жизни, обнажая сокровенную сердечную глубину, озаряемую божественным светом.

В повседневной мирской суете человек, вынужденно играющий разные роли, примиряющий на себя разнообразные маски, оказывается не понят другими людьми, для которых неведома его подлинная духовная суть. Так, по мнению И.Г. Эренбурга, современники не могли разгадать феномен М.А. Волошина, «соблазненного всеми облачениями и всеми масками жизни» [19, с. 57], которые навсегда стали «ликами» поэта, «ведь и лицо может превратиться в маску, и маска может стать теплой плотью» [19, с. 57]. А потому «грубой рукой не пытайтесь сорвать ее с только предполагаемого лица. Не казните доверчивого хитреца злой казнью сатира Марсия или апостола Варфоломея» [19, с. 57], – обращался к «читающим в сердцах» автор портретного очерка о поэте, «надевшем хитон эллина», но не переставшем быть русским «лихачом с Тверской-Ямской» [19, с. 57]. Упоминание апостола Варфоломея, которого казнили, содрав с него кожу, не случайно: поэт как будто бы прикрывает от постороннего взора свое «страстное косматое сердце» [19, с. 58], обнажаемое лишь в момент творческого распахивания.

«Оставив слабую попытку определить православность поэта-мистика» [22, с. 46], М.В. Яковлев совершенно справедливо рассматривает художественный мир М.А. Волошина в тесной связи с религиозно-философскими исканиями русских мыслителей рубежа XIX–XX веков, в поисках нравственного Абсолюта прошедших все

возможные духовные, рациональные искушения / испытания / сомнения, как и апостол Фома, потребовавший «вложить персты в язвы» воскресшего Господа. В очерке И. Г. Эренбурга М. А. Волошин, «привыкший, чтобы его щупали – настоящий ли?» [19, с. 58], сам уподобляется еще не вознесшемуся на небеса Христу, предостерегавшему учеников: «*poli me tangere*» [19, с. 58] – «не прикасайся ко Мне, ибо я еще не восшел к Отцу Моему» [Ин. 20: 17]. Для современников, красных и белых, М.А. Волошин был поистине «неприкасаемым» во всех смыслах этого слова – и отверженным миром, и богохранимым, и непонятым («нам не прощупать – на ризе риза» [19, с. 58]), и неопровержимым в своей нравственной бескомпромиссности, как истинный апостол, сеющий зерно веры.

«Соблюсти себя в иные эпохи почти чудо, и потом, можно ли от редкого зерна, хранящегося в ботаническом музее, требовать, чтобы оно погибло и проросло, как самое обыкновенное евангельское, человеческое, мужицкое» [19, с. 58], – недоумевал и восхищался И.Г. Эренбург. Образ пшеничного зерна, которое если, «пав в землю не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» [Ин. 12: 24], из евангельской притчи возникает в стихотворениях М.А. Волошина неоднократно. Одно из них – «Склоняясь ниц, овевая ночи синью...» – И.Г. Эренбург включил в свою антологию. Обращаясь к матери-земле, лирический герой стихотворения, избравший для себя «путь певца» и жизненное кредо – «бродить среди людей / И растирать в руках колосья хлеба», уподобляет себя зерну, из которого родится мир, *погребенному в землю*, чтобы прорасти и воскреснуть: «Я только гроб, в котором тело Бога / Погребено» [19, с. 60].

Мотив воскресения, победы жизни над смертью становится главным сюжетом поэтического благовестия не только для М.А. Волошина, но и для В.И. Иванова, который, по свидетельству И.Г. Эренбурга, был, «как горлица чист, младенческой пасхальной белизной» [19, с. 73]. «Вячеслав Иванов – христианин, благодать в его глазах и в стихах елей» [19, с. 74]. Из всех русских поэтов Серебряного века именно В.И. Иванов отличался пламенной религиозностью, порой доходящей до фанатичности (не случайно «в 1926 году он принял решение присоединиться к католичеству и остаться жить в Риме» [15, с. 103]). В этом ярко проявилась «русская страстность наша», о которой в романе «Идиот» размышлял Ф.М. Достоевский, вложивший в уста князя Мышкина свое наблюдение над характером русской национальной религиозности: «у нас колы в католичество перейдет,

то уж непременно иезуитом станет» [8, с. 581]. Своей неистовой верой русский человек уподобляется новообращенному в христианство Савлу, ставшему апостолом Павлом. Но «надо оставить апостола Павла и костры Мадрида» [19, с. 74], замечал И. Г. Эренбург, чтобы увидеть и другой образ поэта – уже не изувера, а нежного, кроткого богомольца-созерцателя, подобного святому Франциску: «разве не цвели вокруг белых стен Ассизи золотые, солнечные цветы?» [19, с. 74]. Да и сама поэзия В.И. Иванова, его «девственное волнение», «признание, преодолевшее стыдливость сердца и косность языка» [19, с. 74], есть воплощение неизреченных тайн духа, их «можно не понимать, но нельзя не верить» [19, с. 74].

Современный прагматичный человек пытается разумом постичь то, что открывается лишь сердцу. «У нас у всех руки Фомы» [19, с. 74], – констатировал И. Г. Эренбург. Апостол Фома для автора очерка о В.И. Иванове был «самым верным» учеником Христа именно потому, что сомнение порождает осознание истины, а значит – ее переживание и наполнение не абстрактным, а вполне конкретным смыслом. В одном из своих поздних стихотворений И.Г. Эренбург прямо утверждал: «Из апостолов Фома Неверный / Кажется мне самым человеческим»; «Может, был Фома тяжелодушным, / Но, подумав, он за дело брался, / Говорил он только то, что думал, / И от слов своих не отступался» [20, с. 130-131]. С позиций апостола Фомы И.Г. Эренбург подходит к осмыслению поэтических откровений В. И. Иванова: «Что если усомниться – хорошо ли усвоила змея христианские заповеди, мирно ли живет она с невинной горлицей? Но Вячеслав Иванов победил наши сомнения – не восторгом веры, не мудростью, нет – простой любовью» [19, с. 74].

Однако если «апостольство» В.И. Иванова в русской поэзии – это посланничество *божественной* любви, то «апостольство» В. В. Маяковского – это страстный порыв восстановления на земле *божественной* справедливости, вплоть до ниспровержения «богов» и «кумиров». «Маяковский пребывает в моем сознании бунтарем, – писал И.Г. Эренбург, – немного святой Павел, разбивающий десяток-другой богов» [19, с. 91]. И.Г. Эренбург, внимательно следивший за творчеством В.В. Маяковского, пребывая с поэтом-бунтарем в напряженном диалоге-споре по многим мировоззренческим, онтологическим проблемам-антиномиям (на которые указывает Е.Р. Арензон [2]), видел в нем категоричность и максимализм апостола-неофита Павла, бывшего гонителем христиан. Н.Н. Глубоковский в своей актовой речи

«Обращение Савла и Евангелие св. Апостола Павла» отмечал «мучительный разлад внутренней симпатии ко Христу и самого энергического протеста» [7, с. 8], который порождал неистовое христоробчество римского гражданина, ставшего впоследствии самым пламенным проповедником Сына Человеческого. А между тем в самом богоборчестве В.В. Маяковского С.Г. Семенова видела подлинный «*религиозный* пафос» (курсив С.Г. Семеновой. – И.У.) [14, с. 165]. Не случайно автор поэмы «Облако в штанах» называл себя «в самом обыкновенном Евангелии тринадцатым апостолом» [12, с. 401], проповедующим «новую религию», но это не религия антихриста, выступающего против Христа, а религия Человека, приходящего на смену Христу. Именно поэтому В.В. Маяковский «оставил в покое Христа» [19, с. 93], полагал И. Г. Эренбург, с небес спустился на землю: «Здесь / на земле хотим / не выше жить / и не ниже» [19, с. 96-97]. Эти слова из «Пролога к “Мистерии-буффу”» писатель включил в свою антологию как выразительные черты «портрета» В.В. Маяковского, десакрализовавшего «играющего в шашки Христа» [19, с. 95] в партию под названием «человеческая жизнь».

Мотив жизни-игры, в которой переплетаются реальное и ирреальное, земное и небесное, плотское и бесплотное, да так, что «трудно проводить границы и межи» [19, с. 112], становится магистральным в творчестве Ф. Сологуба, пытавшегося примирить в своем сердце примитивно-прозаическую Альдонсу и возвышенно-поэтическую Дульцинею. И.Г. Эренбург в точности передал ан-

тиномичность мироощущения Ф. Сологуба, выразившего в стихотворении «Я испытал превратности судеб...» свое человеческое и художественное кредо, прибегая для этого к извечному сюжету предстательства души перед апостолом Петром на пороге рая:

Когда меня у входа в парадиз
Суровый Петр, гремя ключами, спросит:
— Что сделал ты? — меня он вниз
Железным посохом не сбросит.

Скажу: — Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны
И вообще мои грехи,
Апостол Петр, многообразны.

Но я — поэт. — И улыбнется он,
И разорвет стихов рукописанье.
И смело в рай войду, прощен,
Внимать святое ликование [19, с. 118].

Это стихотворение, занимающее в структуре «Портретов русских поэтов» И.Г. Эренбурга центральное место, имеет особый философско-онтологический, этико-эстетический статус, выступая художественной декларацией идеи апостольства как духовного посланничества творцов-теургов искусства Серебряного века. Фигура поэта-пророка, изрекающего божественную истину и глаголом жгущего сердца людей, на рубеже XIX–XX веков приобретает качественно иное сакрально-метафизическое измерение, становится уже не провозвестником, а благовестником «нового мира», его Апостолом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.
2. Арензон Е.Р. Маяковский и Эренбург // Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Владимира Маяковского. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2018. С. 126-136.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-PRESS, 1969. 270 с.
4. Библийская энциклопедия / сост. архим. Никифор. М.: ТЕРРА, 1990. 902 с.
5. Богданова О.В. Самый любимый рассказ А. П. Чехова («Студент»). Серия «Литературные направления и течения. Анализ литературного произведения». Вып. 98. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2018. 24 с.
6. Булгаков С.Н. Радость церковная. Слова и поучения. Париж: YMCA-PRESS, 1938. 99 с.
7. Глубоковский Н.Н. Обращение Савла и Евангелие св. Апостола Павла. Речь, произнесенная на торжественном годовом акте С.-Петербургской Духовной Академии в субботу 17 февраля 1896 года. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1896. 150 с.
8. Достоевский Ф.М. Идиот: Роман. М.: Дрофа, 2003. 688 с.
9. Зверева Е.А. Метапоэтика двух кодов И. Г. Эренбурга // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. №1. С. 110117.
10. Зверева Е.А. Творческий код автодескриптивного текста И. Г. Эренбурга: содержание и языковые средства // Культура слова. 2018. № 1 (1). С. 49.
11. Малыгина Н.М. А.А. Ахматова (1889-1966) // Избранные имена. Русские поэты XX века : учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2008. С. 92115.
12. Маяковский В.В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М.: Худож. лит., 1969. 736 с.

13. Рубашкин А.И. Илья Эренбург о русских поэтах и поэзии // Эренбург И.Г. Портреты русских поэтов. СПб.: Наука, 2002. С. 291-310.
14. Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920-1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 590 с.
15. Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова: монография. СПб.: Петрополис, 2012. 654 с.
16. Урюпин И.С. Библиейский контекст в русской литературе конца XIX - первой половины XX века: учеб. пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 294 с.
17. Фрезинский Б.Я. Илья Эренбург и Марк Шагал. Очерк взаимоотношений (Письма и комментарии) // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб.: Феникс, 2002. С. 411-431.
18. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. 1892-1894. М.: Наука, 1985. 528 с.
19. Эренбург И.Г. Портреты русских поэтов. СПб.: Наука, 2002. 351 с.
20. Эренбург И.Г. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1982. 176 с.
21. Яковлев М.В. Апокалиптическое направление в русской поэзии XX века: специфика авторского мышления, религиозные идеи и символы, жанрово-стилевые решения: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 34 с.
22. Яковлев М.В. М.А. Волошин и православие // Вопросы истории и теории русской литературы XX века: Материалы VIII Виноградовских чтений. М.: МГПУ, 2004. С. 45-51.

REFERENCES

1. Aikhenval'd Yu. I. Siluety russkikh pisatelei. M.: Respublika, 1994. 591 s.
2. Arenzon E.R. Mayakovskii i Erenburg // Vladimir Mayakovskii v mirovom kul'turnom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Mayakovskogo. M.: IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, 2018. S. 126-136.
3. Berdyaev N.A. Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoi sud'by. Parizh: YMCA-PRESS, 1969. 270 s.
4. Bibleiskaya entsiklopediya / sost. arkhim. Nikifor. M.: TERRA, 1990. 902 s.
5. Bogdanova O.V. Samyi lyubimyi rasskaz A. P. Chekhova («Student»). Seriya «Literaturnye napravleniya i techeniya. Analiz literaturnogo proizvedeniya». Vyp. 98. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2018. 24 s.
6. Bulgakov S.N. Radost' tserkovnaya. Slova i poucheniya. Parizh: YMCA-PRESS, 1938. 99 s.
7. Glubokovskii N. N. Obrashchenie Savla i Evangelie sv. Apostola Pavla. Rech', proiznesennaya na torzhestvennom godichnom akte S.-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii v subbotu 17 fevralya 1896 goda. SPb.: Pechatnya S. P. Yakovleva, 1896. 150 s.
8. Dostoevskii F. M. Idiot. Roman. M.: Drofa, 2003. 688 s.
9. Zvereva E.A. Metapoetika dvukh kodov I. G. Erenburga // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. №1. S. 110-117.
10. Zvereva E.A. Tvorcheskii kod avtodeskriptivnogo teksta I. G. Erenburga: sodержanie i yazykovye sredstva //Kul'tura slova. 2018. № 1 (1). S. 4-9.
11. Malygina N.M. A.A. Akhmatova (1889-1966) // Izbrannye imena. Russkie poety KhKh veka: uchebnoe posobie. M.: Flinta; Nauka, 2008. S. 92-115.
12. Mayakovskii V.V. Stikhotvoreniya. Poemy. P'esy. M.: Khudozh. lit., 1969. 736 s.
13. Rubashkin A.I. Il'ya Erenburg o russkikh poetakh i poezii // Erenburg I.G. Portrety russkikh poetov. SPb.: Nauka, 2002. S. 291-310.
14. Semenova S.G. Russkaya poeziya i proza 1920-1930-kh godov. Poetika – Videnie mira – Filosofiya. M.: IMLI RAN; Nasledie, 2001. 590 s.
15. Titarenko S.D. «Faust nashego veka»: Mifopoetika Vyacheslava Ivanova: monografiya. SPb.: Petropolis, 2012. 654 s.
16. Uryupin I.S. Bibleiskii kontekst v russkoi literature kontsa KhKh - pervoi poloviny KhKh veka: uchebnoe posobie. M.; Berlin: Direkt-Media, 2020. 294 s.
17. Frezinskii B.Ya. Il'ya Erenburg i Mark Shagal. Oчерk vzaimootnoshenii (Pis'ma i kommentarii) // Diaspora: Noveye materialy. Vyp. 3. SPb.: Feniks, 2002. S. 411-431.
18. Chekhov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Sochineniya: V 18 t. Т. 8. 1892-1894. М.: Наука, 1985. 528 с.
19. Erenburg I.G. Portrety russkikh poetov. SPb.: Nauka, 2002. 351 s.
20. Erenburg I. G. Stikhotvoreniya. M.: Sovetskaya Rossiya, 1982. 176 s.
21. Yakovlev M.V. Apokalipticheskoe napravlenie v russkoi poezii KhKh veka: spetsifika avtorskogo myshleniya, religioznye idei i simvoly, zhan-rovo-stilevye resheniya: avtoref. dis... dokt. filol. nauk. М., 2017. 34 s.
22. Yakovlev M.V. M.A. Voloshin i pravoslavie // Voprosy istorii i teorii russkoi literatury KhKh veka: Materialy VIII Vinogradovskikh chtenii. M.: MGPU, 2004. S. 45-51.